

КАТЕГОРИЯ САКРАЛЬНОЙ ГРАНИЦЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

О.А. ЯКОВЕНКО. КАТЕГОРІЯ САКРАЛЬНОЇ МЕЖІ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЇЇ МОВНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ В ТВОРАХ О.С. ПУШКІНА

У статті розглянуто мовні засоби репрезентації категорії сакральної межі, що є одним із важливих елементів протиставлення «свого» та «чужого» світів у творах О.С.Пушкіна. Уявлення про сакральну межу є характерним для міфопоетичного мислення і вповні знаходить реалізацію в творах письменника. Сакральна межа є рухливою, хиткою, вона залежить від місця та часу. На мовному рівні просторову межу репрезентовано займенником „там”, лексемами, що номінують елементи відкритого та замкненого простору, а також словами із семантикою кола; експлікаторами часової межі можуть бути слова тінь, зоря.

Ключові слова: сакральна межа, опозиція, «свій» – «чужий» світи, простір, час.

Е.А. ЯКОВЕНКО. КАТЕГОРИЯ САКРАЛЬНОЙ ГРАНИЦЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации категории сакральной границы как одного из важнейших элементов противопоставления «своего» и «чужого» миров в произведениях А.С. Пушкина. Представление о сакральной границе характерно для мифопоэтического мышления и в полной мере реализуется в произведениях писателя. Сакральная граница подвижна, зыбка и зависит от времени и места. На языковом уровне пространственная граница представлена местоимением «там», лексемами, номинирующими элементы открытого и закрытого пространства, а также словами с семантикой круга; экспликаторами временной границы могут выступать слова тень, заря.

Ключевые слова: сакральная граница, оппозиция, «свой» – «чужой», пространство, время.

E.A. YAKOVENKO. CATEGORY OF THE SACRED BOUNDARY AND PECULIARITIES OF ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN A.S. PUSHKIN'S WORKS

Language means of representation of the category of the sacred boundary which is one of the most important elements of the opposition «this» – «that» in the works by A.S. Pushkin are regarded in the article. The image of the sacred boundary is characteristic of mythopoetic thinking and is fully represented in A.S. Pushkin's works. The sacred boundary is moveable, unsteady and depending on the time and place. Language means of representation of the category are: pronoun “there”, lexemes nominating elements of the open and closed space, words with semantics of a circle; means of expression of the time boundary can be words shadow, dawn.

Key words: sacred boundary, opposition, «this» – «that», space, time.

Человеческому сознанию свойственно членить окружающую действительность на познанное / непознанное, знакомое / незнакомое, естественное / сверхъестественное, то, что подвластно человеку, и то, что сильнее нас, выходит за рамки знания и понимания. Такое свойство человеческого видения мира, взаимодействия с ним и его познания находит отражение в языке и литературе. Мифологическое сознание структурирует окружающее пространство на бинар-

© Е.А. Яковенко, 2014

ные оппозиции, одной из которых является противопоставление «своего» – безопасного, знакомого, понятного мира «чужому» – неизвестному, непонятному, таящему опасность для человека.

Творчество А.С. Пушкина в полной мере отображает традиционное мифопоэтическое представление о противопоставлении «своего» и «чужого» миров, что воплощено в произведениях писателя как на концептуальном и образном, так и на языковом уровне [5, с. 21]. Такое противопоставление выражается в актуализации

«универсальной линии» (М.Н. Виролайнен), комплекса представлений о «переходе границы» [1, с. 49].

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе особенностей языкового представления категории сакральной границы как элемента актуализации оппозиции «свой» – «чужой» в произведениях А.С. Пушкина.

Наиболее ярко оппозиция «своего» и «чужого» миров воплощена в произведениях писателя с помощью указательного местоимения *там*, которое, по мнению И.И. Ковтуновой, может указывать на «пространственные сферы, не раскрываемые или не имеющие определенных границ» [3, с. 48]. В творчестве писателя местоимение *там* приобретает символическое значение: его семантическое наполнение актуализирует пространственное противопоставление «своего» и «чужого» миров.

Во вступлении к поэме «Руслан и Людмила» использование местоимения *там* разграничивает мир сказки и реальность:

«Там чудеса, там леший бродит, / Русалка на ветвях сидит; / Там на неведомых дорожках / Следы невиданных зверей; / Избушка там на курьих ножках / Стоит без окон, без дверей; / Там лес и дол видений полны; / Там о заре прихлынут волны / <...> / Там королевич мимоходом / Пленяет грозного царя; / Там в облаках перед народом / Через леса, через моря / Колдун несет богатыря; / В темнице там царевна тужит, / А бурый волк ей верно служит; / Там ступа с Бабою Ягой / Идет, бредет сама собой; / Там царь Кащей над златом чахнет; / Там русский дух... там Русью пахнет! / И там я был, и мед я пил...» [4, Т.4, с. 34-35].

Во вступлении к поэме местоимение *там* встречается 14 раз, что создает пространственную картину *того* мира, мира сказки, подкрепленную номинациями сказочных, фольклорных персонажей: *леший, русалка, избушка на курьих ножках, колдун, богатырь, Баба Яга, Кащей*. «Чуждость» *того* мира подчеркивается паронимией эпитетов *неведомых – невиданных*, расположенных в соседних стихах. Этот прием актуализирует внутреннюю форму прилагательных: *неведомая* – «незнаемая, недостижимая» [2, Т.2, с. 508], *невиданный* – «небывалый, дивный, впервые представший» [2, Т.2, с. 505], то есть незнакомые, неизвестные, чужие, *иные*. Актуализацию внутренней формы слова *неведомые* встречаем также в стихотворении «Бесы» (*Страшно, страшно поневоле / Среди неведомых равнин* [4, Т.3, с. 150]), что связывает происходящее с путником с деятельностью сверхъестественных сил.

В стихотворении «Утопленник» место-

имение *там* указывает на отдаленность местонахождения гостя-утопленника, а также на его «чуждость» этому миру, так как неизбежно актуализируется оппозиция *там – здесь*: *«Кто-то там в окно стучит / <...> / Кто там? – Эй, впусти, хозяин! – / Ну, какая там беда?»* [4, Т.3, с. 68].

Указанный прием разграничивает пространство и в «петербургской повести» «Медный всадник». Евгений наблюдает, что происходит на противоположном берегу, где находится дом Параши: *«Вставали волны там и злились, / Там буря выла, там носились / Обломки <...> Боже, боже! Там – / Увы! Близехонько к волнам / <...> / И ветхий домик: там оне, / Вдова и дочь, его Параша...»* [4, Т.4, с. 385].

Слово *там* порождает образ «другого» мира, далекого пространства, использование местоимения *там* при описании другого берега, формирует оппозицию *там – здесь*, что подчеркивает противопоставление двух пространств. «Иной» мир в творчестве А.С. Пушкина локализован наречием *там*: это подтверждается и неопределенным *там* в поэме «Руслан и Людмила», и *там* за дверью в стихотворении «Утопленник», и *там* – на другом берегу в поэме «Медный всадник». Реальное расстояние не имеет значения, важно лишь то, что *там* – по ту сторону границы.

В русской культуре выработана целая система сакральных границ, которые не имеют однозначной закреплённости, хоть и связаны с определенными реалиями (например, дверь, окно, порог и т. д.): граница «может проходить между лесом и полем, между полем и огородом, ею могут служить ворота, ведущие во двор, порог дома, сени...» [1, с. 52]. Н.В. Слухай выделяет «медиаторы-локативы» (специальные маркеры «преодоления границ полимиров»), «медиаторы-хроносы» (пограничные временные маркеры) и др. [6].

Дом является безопасным для обитателей пространством, защищающим их от проникновения чужих и от влияния сил природы. В стихотворении «Зимний вечер» реализуется представление о непогоде как проявлении враждебности природы. Два пространства – «свое» пространство дома и «чужое», где свирепствует вьюга, разделены преградой:

«Буря мглою небо кроет / <...> / То по кровле обветшало / Вдруг соломой зашумит, / То, как путник запоздалый / К нам в окошко застучит...» [4, Т.2, с. 316].

Пространственная преграда, которая мешает буре проникнуть внутрь дома, в стихотворении вербализуется существительными *кровля* и *окошко*. Дом выполняет защитные

функции, несмотря на то, что существительное *окно* используется в уменьшительной форме, указывая на его хрупкость, а также отглагольное прилагательное *обветшала* при существительном *кровля* создает впечатление обветшалости, ненадежности, так как *обветшать* – «прийти в ветхость, состариться, сделаться худым, хилым, прийти от времени в негодность» [2, Т.2, с. 69].

В стихотворении «Русалка» пространством является многоуровневым, состоящим из нескольких подпространств, которые, в свою очередь, разделены границами. Встреча монаха с русалкой впервые происходит на стыке временной и пространственной границ: «*Однажды летом у порогу / Понишкой хижини своей / Анахорет молился богу. / Дубравы делались черней...*» [4, Т.2, с. 23].

Экспликаторами пространственного рубежа являются существительные *порог* и *хижина*, относящиеся к «своему» пространству дома монаха, в котором он искал покоя. Временная граница косвенно выражена составным именным сказуемым *делались черней*, выражающим постепенное изменение освещенности леса, т.е. наступление сумерек, которые в народе представляются «нечистым», пограничным временем, когда размыкаются пространственные границы и силы потустороннего мира имеют возможность проникнуть в мир человеческий.

Экспликаторами пространственных границ могут выступать различные рубежи открытых пространств. Границей между человеческим миром и потусторонним в открытых пространствах может быть вода (река, море, океан, ручей, озеро), берег озера или реки, роща, лес, поле, поляна, околица, окрестность и т. п. Будучи реалиями мира людей, они являются пограничными зонами с пространством ирреальным и могут получать характеристики обоих миров.

В «Русалке» монах живет в местах, которые в народном представлении связаны с понятием пространственной границы, выраженном в тексте такими номинациями, как *озеро*, *дубровы*: «*Над озером, в глухих дубровах, / Спасался некогда монах...*» [4, Т.2, с. 23]. Существительное множественного числа *дубровы* в сочетании с качественным прилагательным *глухие*, в значении «глухой – что без выходу; непроходной, несквозной» [2, Т.1, с. 358], ассоциируется с лесом как враждебным для человека пространством, несущим опасность, угрозу.

Каждый раз, когда монах видел прекрасную женщину в водах озера, мы находим точку соприкосновения пространственной и временной границ: «*На третий день отшельник страстный / Близ очарованных берегов / Сидел и девы ждал прекрасной, / А тень ложилась средь*

дубров...» [4, Т.2, с. 24].

Понятие пространственной границы выражено существительным множественного числа *берега* в сочетании с причастием *очарованные*, семантически связанным с глаголом *очаровать* и означающим «обворожить, околдовать...» [2, Т.2, с. 776], что подчеркивает сверхъестественную природу озера. Временная граница косвенно выражена в тексте с помощью абстрактного существительного *тень*, связанного в данном контексте с изменением освещенности дубров, т.е. с наступлением сумерек.

Заря в произведениях А.С. Пушкина, как и в фольклорных текстах, связана с приходом солнца, тепла, имеющих силу разогнать силы потусторонние. Отражение такого представления находим и в тексте «Русалки»: «*Заря прогнала тьму ночную*» [2, Т.2, с. 25]. Образ *утренней зари* имеет положительную окраску как явление, спасающее людей от влияния демонических сил.

В «Сказке о попе и работнике его Балде» границей миров выступает берег, а миры, в свою очередь, представлены сушей (мир Балды) и морем (мир бесов, нечистой силы). В приведенном ниже фрагменте наблюдаем нарушение сакральной границы Балдой: «*Балда, с попом понапрасну не споря, / Пошел, сел у берега моря; / Там он стал веревку крутить / Да конец ее в море мочить...*» [4, Т.3, с. 353].

Балда приходит к берегу моря и крутит веревку, нарушает равновесие в мире бесов, при этом веревка избрана не случайно. *Веревка*, как и *лестница*, *храм*, *церковь*, *столп*, *трон*, является, по мнению В.Н. Топорова, аллюобразом мирового древа [7, с. 210]. В данном случае *веревка* выступает связующим звеном между средним миром, человеческим, и миром нижним, хтоническим, местом обитания нечистой силы.

В повести «Метель» разграничение безопасного и опасного пространств осуществляется благодаря актуализации внутренней формы слов, выражающих понятие сакральной границы. Такими экспликаторами выступают существительные *околица*, *окрестность*: «*...едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел...*» [4, Т.7, с. 96]. Существительное *околица* в сочетании с пространственным предлогом *за* указывает на пересечение границы «своего» мира деревни и переход в «чужой» мир. *Околица* (этимологически связанная с *вокруг*, *около* [8, с. 129]), означает «округ, округа, окружная местность...; местность вокруг деревни, до полей» [2, Т.2, с. 664-665] и выражает понятие границы, а существительное *поле* – экспликатор чужого человеку мира.

Далее в пути Владимир видит, что **«окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой...»** [4, Т.7, с. 96]. Существительное *окрестность* имеет общую внутреннюю форму с *окрест, круг* [8, с. 130] и означает «около, вокруг, обapol, со всех сторон или по соседству» [2, Т.2, с. 667]. Номинации *околица, окрестность* означают зыбкую границу «своего», безопасного мира, преодолев которую, человек теряет защиту.

В повести читаем, что лошадь Владимира **«поминутно то взъезжала на сугроб, то проваливалась в яму...»** [4, Т.7, с. 96]. Временное наречие *поминутно* указывает на многократность действия и его частоту и косвенно указывает на то, что преград на пути у Владимира много, несмотря на то, что существительные *сугроб, яма* употребляются в единственном числе. Синтаксическая структура фрагмента с разделительными союзами *то...то*, предикатами *взъезжала, проваливалась* и существительными *сугроб, яма*, находящимися в антонимичных отношениях по признаку высоты / глубины по отношению к поверхности земли, создает впечатление множественных помех на пути Владимира. Существительное множественного числа *овраги* также выражает понятие сакральной границы: **«Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами...»** [4, Т.7, с. 96], а фрагмент **«Все сугробы да овраги»** вновь подчеркивает многочисленность препятствий.

В результате анализа мы обнаружили, что актуализация категории «сакральной границы» является важным элементом противопоставления «своего» и «чужого» миров во многих произведениях А.С. Пушкина. Граница между двумя мирами подвижная, зыбкая, ее проницаемость находится в зависимости от места и времени. В народном представлении существуют «нечистое» время и «нечистое» пространство, представляющие повышенную опасность для человека. На языковом уровне пространственная граница репрезентируется указательным

местоимением *там*, рядом слов, номинирующих элементы открытого и закрытого пространства, а также лексических единиц с семантикой круга (*окрестность, околица*). Экспликаторами временной границы могут выступать слова *тьень, заря*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности / М. Н. Виролайнен. – СПб.: Амфора, 2007. – 494 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / Владимир Иванович Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1 – 2006. – 699, [9] с. – Т. 2 – 2006. – 779, [3] с.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / Ирина Ильинична Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 8-ми томах / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 2. – 1969. – 399 с. – Т. 3. – 1969. – 456 с. – Т. 4. – 1969. – 400 с. – Т. 7. – 1969. – 288 с.
5. Скоробогатова Е. А. Поэтическая актуализация морфологических значений в поэзии Александра Пушкина / Е. А. Скоробогатова // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – Харьков, 2012. – №4 (48). – С. 20–26.
6. Слухай Н. В. Лингвистика сферы сакрального: русская культурно-языковая традиция (введение) / Н. В. Слухай // Біблія і культура. – Чернівці: Рута, 2008. – Вип. 10. – С. 116–123.
7. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы / Владимир Николаевич Топоров. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т.1 – 2010. – 448 с.: ил.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / Макс Фасмер. – М.: Издательство «Прогресс», 1964. – Т. 3. – 1964. – 828 с.